
Д. С. Раевский

ПОЗДНЕСКИФСКАЯ СЕМЬЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Известно, какое большое внимание уделял истории семьи Ф. Энгельс, особенно в своем основополагающем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства»¹.

Труд Ф. Энгельса является фундаментом, на котором строит изучение истории семьи советская наука. Приоритет в этой области принадлежит, несомненно, этнографии, изучающей «живые» общества. Попытки использовать археологический материал для выявления данных о семейной структуре древних обществ предпринимались гораздо реже. Методическая трудность таких попыток бесспорна. Археология, особенно в тех случаях, когда она изучает бесписьменные народы, зачастую лишена фактических сведений, на которых базируется изучение истории семьи. Мы, например, почти не имеем данных об имущественных отношениях внутри семьи в большинстве древних обществ, о ее правовых нормах, а также о господствующих в обществе линейности счета рода и локальности брака. Это затрудняет как самостоятельный анализ археологического материала в интересующем нас плане, так и проецирование выводов этнографии на древние эпохи. Сопоставление археологического и этнографического материалов еще более затруднено тем, что влияние семейной структуры именно на те стороны общественной жизни, данными о которых располагает археология, в этнографической литературе получило наименьшее освещение. Так, этнография уделяет явно недостаточное внимание тому, как сказываются конкретные формы семьи в погребальных обычаях: в преобладании одиночных или групповых захоронений, в топографии могильников и т. д. Отсутствие твердых критериев затрудняет интерпретацию археологического материала. Тем не менее попытки такой интерпретации представляются оправданными.

В настоящей статье мы пытаемся осмыслить материал, добытый при раскопках некрополя Неаполя, столицы Позднескифского царства в Крыму. Вопросы, связанные с историей скифской семьи, слабо освещены в специальной литературе. При этом большинство авторов, касающихся этой тематики, базировалось преимущественно на письменных данных, почти не используя археологический материал, и ограничивалось временем с VII по III в. до н. э. Так называемый позднейший период скифской истории (II в. до н. э.— III в. н. э.) обычно оставался вне поля зрения исследователей. Попытку восполнить этот пробел предпринял в свое время А. М. Хазанов. Его статья посвящена анализу скифских погребений Крыма, относящихся к III в. до н. э.— II—III вв. н. э., и их социальной интерпретации². Погребения, в которых число костяков колеблется от нескольких десятков до 100, автор трактует как усыпаль-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21.

² А. М. Хазанов, Скифские коллективные погребения в Крыму, «Сборник студенческих докладов на V Всесоюзной археологической конференции», М., 1960, стр. 28—36.

ницы больших семей. Могилы же, содержащие до десяти погребений, принадлежат, по мнению автора, малой семье. Процесс превращения малой семьи в основную ячейку скифского общества отнесен в статье к первым векам нашей эры. Подход А. М. Хазанова к материалу не вызывает возражений, но его выводы представляются слишком суммарными, а новейшие исследования вносят существенные изменения в предложенную им хронологию. Это заставляет нас вернуться к анализу структуры позднескифской семьи. В настоящей работе мы ограничимся рассмотрением материала из некрополя Неаполя, достаточно полно изученного благодаря раскопкам Н. И. Веселовского в 1889 г.³, П. Н. Шульца и Н. Н. Погребовой в 1946 г.⁴, В. П. Бабенчикова в 1946—1949 гг.⁵ и Э. А. Симоновича и И. Д. Марченко в 1956—1958 гг.⁶ Этот некрополь, бесспорно, является достаточно репрезентативным, так как содержит могилы разных типов, насчитывает несколько веков существования и, наконец, служит важным показателем уровня социального развития скифов, так как принадлежит их городскому центру. Предлагаемая попытка в силу указанной неразработанности методики не претендует ни на полноту, ни на окончательность вывода. Но она представляется необходимой для выяснения скифской социальной истории.

Некрополь Неаполя включает мавзолей, вырубленные в скале склепы, курган и грунтовые могилы, включающие подбой, в которых преобладали одиночные погребения, и так называемые грунтовые склепы с различным числом последовательных захоронений. Все склепы, вырубленные в скале, ограблены, поэтому ни их хронология, ни поло-возрастной состав погребенных, ни их имущественное положение не могут быть выяснены. О хронологии неапольского некрополя автору уже приходилось говорить в другом месте⁷. Поэтому здесь мы только напомним ее, не повторяя археологической аргументации.

Наиболее ранние погребения грунтового могильника Неаполя датируются концом II в. до н. э. Все они расположены в грунтовых склепах. Первые подбои появляются здесь во второй трети I в. н. э. и связаны с проникновением в среду городского населения нового этнического элемента — сарматов с Боспора. Появление подбоев знаменует начало позднего периода использования некрополя, археологически существенно отличающегося от раннего. Во второй период сооружение грунтовых склепов в основном прекращается. В некоторых из уже сооруженных склепов захоронения продолжают совершаться вплоть до гибели города в первой половине III в. н. э., использование остальных ограничивается первым периодом. Погребения мавзолея относятся ко времени с конца II в. до н. э. по I в. н. э. включительно⁸.

Все, что нам известно о скифском обществе, заставляет рассматривать его как патриархальное. Дошедшие до нас остатки скифской мифологии и эпоса отражают безусловное господство мужчины; следовательно, переход к патриархальным отношениям совершился в скифском обществе в достаточно древнее время⁹.

³ «Отчеты археологической комиссии», 1889, стр. 12—19.

⁴ П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, М., 1953; Н. Н. Погребова, Погребения в мавзолее Неаполя скифского, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), 96, М., 1961, стр. 103 сл.

⁵ В. П. Бабенчиков, Некрополь Неаполя скифского, «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 94—141.

⁶ Э. А. Симонович, Итоги новых работ на могильнике Неаполя скифского в Крыму, «Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея за 1961 г.», Одесса, 1963, стр. 32—40.

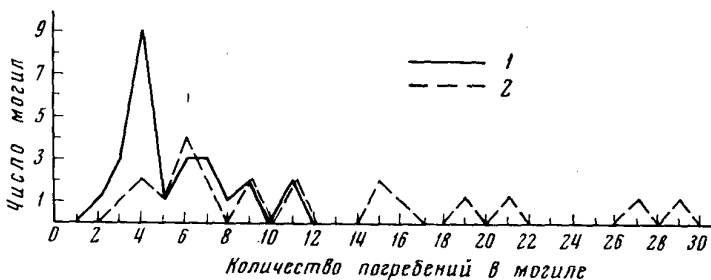
⁷ Д. С. Раевский, Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя), «Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии 1967 г.», стр. 53—55.

⁸ Н. Н. Погребова, Указ. раб.

⁹ Б. Н. Граков, Скифский Геракл, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. XXXIV, М., 1950, стр. 12.

Наша задача, таким образом, сводится к выяснению вопроса, какая стадия в развитии патриархальной семьи соответствует позднему этапу скифской истории. Была ли скифская семья в это время большой патриархальной общиной, состоящей «из четырех-пяти, иногда и больше поколений ближайших родственников по отцовской линии, потомков одного предка, с женами мужчин данной группы»¹⁰? Если принять, что у скифов существовала именно такая семья, то важно определить ее размеры, так как тенденция к распаду большой семьи, характерная для раннеклассовых обществ, сказывается на практике в постепенном ее уменьшении. Поэтому размер семьи является косвенным показателем того, доминирует ли в данном обществе большесемейная форма или уже наблюдается ее разложение¹¹. Можно предположить и то, что у скифов в интересующий нас период преобладала малая семья.

Наиболее важной для нашей темы особенностью позднескифского погребального обряда является обычай повторных захоронений в могилах, служивших семейными усыпальницами. Основой для интерпретации служит число и поло-возрастной состав погребенных в одной могиле. Следует, однако, оговориться, что последний не всегда поддается определению из-за плохой сохранности костных остатков в неапольском грунте. Тем не менее некоторые наблюдения здесь все же удастся сделать. На прилагаемом графике отражено распределение грунтовых склепов

Распределение склепов грунтового могильника по количеству погребений: 1 — склепы I периода (группа I); 2 — склепы I—II периодов (группа II)

некрополя по числу погребений¹². Склепы разделены на две группы. В первую включены могилы, использование которых ограничено первым хронологическим периодом, во вторую — склепы, использовавшиеся на протяжении обоих периодов. График демонстрирует растянутость второй кривой вправо, указывающую, что для склепов второй группы типично большее число погребений в одной могиле. В первой группе число погребенных в среднем приближается к четырем, во второй каждый третий склеп содержит 15 или более погребений.

Преобладание в первом случае склепов с небольшим количеством захоронений позволяет, на первый взгляд, безоговорочно трактовать их как усыпальницы малых семей. Но половозрастной состав погребенных (конечно, речь идет о случаях, когда он поддается определению) заставляет отказаться от такого толкования как слишком категоричного. В большинстве склепов мы находим погребения одного-двух взрослых, сопровождающиеся несколькими детскими, и они вполне могут быть истолкованы как усыпальницы малых семей. Это относится не только к склепам, содержащим по три-четыре костяка, но и к склепам, содержащим большее количество скелетов, если среди них преобладают детские.

¹⁰ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 49.

¹¹ Там же, стр. 71.

¹² В графике сведены данные раскопок 1889, 1947—1949 и 1956—1958 гг.

В то же время некоторые склепы не могут рассматриваться как усыпальницы малых семей. Так, в могиле № 6 (1956) все четыре скелета принадлежат взрослым, в могиле № 24 (1957) из четырех костяков определению поддаются два и оба они принадлежат мужчинам (один 30—35 лет, другой 50—60 лет)¹³. В могиле № 101 (1958) из шести костяков два принадлежат мужчинам (25—35 и 50—60 лет), остальные не поддаются определению¹⁴. Среди могил, содержащих по семь и более костяков, нет ни одной, где можно было бы определить поло-возрастную принадлежность всех погребенных, однако в большинстве из них зафиксировано по несколько мужских захоронений. Поэтому они не могут быть истолкованы как усыпальницы одной брачной пары¹⁵. В них следует видеть погребения представителей двух поколений взрослых членов одной семьи или двух ее параллельных ветвей, что в равной степени не соответствует структуре малой семьи¹⁶. Вместе с тем в склепах этой группы число погребений нигде не превышает 11 человек, что значительно меньше того минимума, который характерен для большой семьи¹⁷. Следовательно, мы не можем рассматривать их и как усыпальницы больше-семейных общин. Если исходить из изложенного, то наиболее близкой этнографической аналогией позднескифской семье, какой она рисуется на основании анализа погребений неапольского некрополя, является организм, получивший в литературе условное название «неразделенной семьи», ограниченный двумя поколениями брачных пар. В такой семье женитьба внука главы семьи влечет за собой отделение не только новообразовавшейся брачной пары, но и отца жениха со всей его семьей¹⁸. Такой механизм вычленения новой семьи представляет для нас особый интерес, так как он ограничивает число членов семейной общины не только по линии нисходящих поколений, но и постоянно отсекает боковые ветви семьи¹⁹. При этом условии число взрослых членов семьи удерживается в небольших пределах, но не ограничивается одной брачной парой, как в малой семье. «Неразделенную семью» рассматривают обычно как достаточно позднюю стадию на пути превращения большесемейной общины в малую семью. Поэтому вполне допустимо сосуществование в некрополе Неаполя усыпальниц малых семей с могилами неразделенных семей. На каком-то этапе развития семейных отношений эти два типа семьи неизбежно должны уживаться в одном обществе: некоторые из новообразовавшихся пар выделяются в отдельные малые семьи²⁰, тогда как другие сохраняют общее со старшим поколением хозяйство, жилище и т. д.²¹

¹³ Т. С. Кондукторова, Населения Неаполя скифского за антропологичними даними, «Матеріали з антропології України», вип. 3, Київ, 1964, стр. 45.

¹⁴ Т. С. Кондукторова, Указ. раб., стр. 53.

¹⁵ Мы уделяем особое внимание наличию в могиле нескольких взрослых мужских погребений, так как совместное погребение нескольких женщин можно истолковать как следствие многоженства. Его существование в позднескифском обществе подтверждается сообщением Страбона (VII, 4, 3) о том, что у царя Скилура было 50 или 80 сыновей. Даже делая скидку на литературную гиперболу, в сообщении Страбона следует видеть отражение реальной исторической ситуации, а столь большое количество детей является убедительным свидетельством наличия многоженства; правда, факт многоженства подтверждается лишь для царской семьи.

¹⁶ Возможность того, что часть взрослых скелетов принадлежит неженатым детям, маловероятна ввиду практиковавшихся в древних обществах ранних браков.

¹⁷ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 49 и сл.; Н. А. Кисляков, Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, Л., 1969, стр. 17 и сл.

¹⁸ Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 20, 21.

¹⁹ Повсеместное распространение такого механизма сегментации большой семьи (см. М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 102) делает правомерным привлечение этой аналогии для выяснения характера скифской семьи.

²⁰ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 102.

²¹ Исходя из скифской этногонической легенды с ее ярко выраженной традицией мигрирования, логично предположить, что в Скифии обычным было выделение старших сыновей, тогда как младший становился наследником отцовского очага, хозяйства и усыпальницы.

Обратимся ко второй группе склепов. Как указывалось выше, для них характерно большее число погребений в могиле и более длительное использование. На первый взгляд, это обстоятельство как-будто рисует парадоксальную ситуацию обратного развития семейных отношений, т. е. возврата к большой семье. Но, учитывая конкретные исторические условия, мы вправе объяснить это явление иначе. Уже указывалось, что начало позднего хронологического периода в истории Неаполя ознаменовалось появлением в городе постороннего этнического компонента (сарматов), принесшего сюда, в частности, свой обычай индивидуальных захоронений²². Старая традиция погребений в семейных склепах под воздействием обычая новых пришельцев начинает затухать, что наглядно доказывается почти полным прекращением сооружения новых склепов. Распространение чуждого коренному населению обряда, естественно, должно было столкнуться со стремлением исконных жителей города сохранить старую погребальную традицию. Именно эта тенденция, видимо, объясняет длительность использования ряда склепов неапольского некрополя. Поздние погребения в них естественно рассматривать как принадлежащие последующим поколениям тех семей, которыми были сооружены склепы. Сохранить такую приверженность к семейным усыпальницам было нетрудно, поскольку процесс превращения семейной общины в малую семью в Неаполе еще не завершился. Там, где еще жила традиция погребения в одном склепе двух поколений, в неблагоприятных условиях преобладания пришлого населения легко было перейти к более длительному использованию семейной могилы.

Качественное отличие таких могил от усыпальниц больших семей состоит в том, что здесь не хоронили представителей боковых ветвей семьи, ограничиваясь последовательными поколениями одного ствола. Для проверки такого толкования захоронений обратимся к демографическим методам. Демография в своих исследованиях пользуется понятием длины поколения, равной возрастному интервалу между детьми и родителями. Это позволяет выяснить, сколько поколений укладывается в тот или иной временной отрезок. В тех случаях, когда поддаются определению верхняя и нижняя даты склепа, т. е. известна длительность его использования, можно вычислить, сколько поколений охватывает этот период, иными словами, сколько брачных пар должно быть погребено в склепе при условии, что он служил усыпальницей ряда последовательных поколений одного ствола. Только при значительном фактическом превышении этого числа можно предположить, что в склепе погребены также представители боковых ветвей, и лишь в этом случае такой склеп можно трактовать как большесемейную усыпальницу. К сожалению, точное определение верхней и нижней даты для большинства склепов некрополя Неаполя невозможно. Удастся лишь отнести их к одному из хронологических периодов. Но в некоторых случаях возможна более точная датировка, и следующие из нее выводы по ряду причин можно распространить на большинство склепов некрополя. Для примера возьмем склеп № 79 могильника 1956—1958 гг.²³. О. А. Махнева определяет его нижнюю дату I в. до н. э. Вещи этого времени в склепе весьма немногочисленны, что позволяет относить его сооружение к концу столетия. Верхняя дата склепа — начало III в. н. э. Таким образом, период его использования составляет немногим более 200 лет. В склепе обнаружено 27 погребений мужчин, женщин и детей²⁴.

²² Д. С. Раевский, Указ. раб., стр. 54—55.

²³ О. А. Махнева, Склеп с египетскими изделиями на восточном участке некрополя Неаполя скифского, «Записки Одесского археологического общества», т. II, Одесса, 1967, стр. 191—196.

²⁴ Склеп № 79 по ряду причин может рассматриваться как демографический эталон тех склепов некрополя Неаполя, которые использовались длительное время. Большинство склепов этой группы были сооружены в течение I в. до н. э. и использовались

Демографическая длина поколения (при ее косвенном вычислении) равна среднему брачному возрасту плюс половина длины периода брачной плодовитости²⁵. Для современного населения Европы средняя длина поколения определяется в 30—33 года. При определении ее величины для древних обществ мы не располагаем прямыми данными и должны исходить из сравнения с современностью. При этом необходимо ввести две поправки. Как известно, брачный возраст в современном обществе в силу ряда социально-экономических причин выше того, который был характерен для древности. Что касается периода брачной плодовитости, то его длительность зависит от уровня смертности в детском возрасте²⁶: если этот уровень высок, то значимая величина периода плодовитости уменьшается²⁷. Как данные неапольского некрополя, содержащего многочисленные детские погребения, так и вся сумма наших знаний о древних обществах заставляют считать смертность в детском возрасте в Скифии достаточно высокой. Эти два обстоятельства показывают, что длина поколения в интересующий нас период была значительно короче современной. Мы не располагаем точными цифрами, но вряд ли совершим большую ошибку, приняв ее равной 25 годам²⁸. Тогда на период в 200 лет придется около 8 поколений. Лишь основной ствол семьи включает за это время 8 брачных пар, обеспечивая наличие в склепе не менее 16 взрослых погребений. Прибавляя к этому числу детские захоронения (условно одно на каждую брачную пару, что составляет в силу сказанного выше необходимый минимум), мы получаем 24 погребения как минимальное количество, которое должно содержаться в могиле, где на протяжении 200 лет хоронили представителей лишь основного нисходящего ствола одной семьи. Сравнивая эту цифру с максимальным числом захоронений в неапольских склепах (27—29 человек), мы приходим к выводу, что наличие здесь погребений членов боковых ветвей семьи практически исключается.

Таким образом, основной ячейкой позднескифского общества следует, видимо, признать «неразделенную семью», включающую два последовательных поколения. Наряду с ней существовали уже и малые семьи. Типичной могилой грунтового некрополя Неаполя в ранний период является или усыпальница малой семьи, или склеп, содержащий захоронения двух поколений²⁹. В поздний период, когда в городской среде стал преобладать новый этнический элемент, срок использования семейных склепов увеличивается. Это, однако, не может служить доказательством возврата к большесемейной структуре. Такое толкование опровергает прежде всего отсутствие в могилах погребений членов боковых ветвей

до II в. н. э. включительно. Таким образом, срок использования в 200—250 лет можно считать типичным и в то же время близким к максимальному для склепов этой группы. По числу погребений, как видно из графика, склеп № 79 приближается к максимуму, что особенно важно для выяснения вопроса о наличии или отсутствии здесь погребений боковых ветвей семьи.

²⁵ Я. С. Улицкий, Демографическое понятие поколения, сб. «Проблемы демографической статистики», М., 1959, стр. 38 сл.

²⁶ Необходимо различать понятия «детская смертность», т. е. смертность детей в возрасте до 1 года (А. Я. Боярский, и др., Курс демографии, М., 1967, стр. 138), и «смертность в детском возрасте», т. е. смертность всех членов общества, не достигших брачного возраста. Для нас важна именно последняя. Ее показателем в археологии служит удельный вес детских и подростковых погребений в общей массе захоронений могильника.

²⁷ Я. С. Улицкий, Указ. раб., стр. 45.

²⁸ Наш вывод совпадает с данными В. П. Алексеева, согласно которым длина поколения в интересующий нас период не превышала 20—25 лет (В. П. Алексеев, Палеодемография СССР, Доклад, прочитанный на заседании сессии Отделения исторических наук АН СССР во Львове 17 марта 1970 г.).

²⁹ Следует учесть, что особенности грунта некрополя вызвали частые обвалы могил, которые в таких условиях не всегда могли служить усыпальницей даже для всей малой семьи. Видимо, именно этим следует объяснить наличие в некрополе могил, содержащих лишь детские захоронения.

семейного древа³⁰. Логично предположить, что представители этих ветвей быстрее переходили к новому обряду погребений в подбоях³¹, чем младшие сыновья, которые в силу сложившейся традиции, выступали хранителями и наследниками отцовских усыпальниц.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство. Могилы в некрополе Неаполя, как показывает его топография, образуют изолированные группы. Так, раскопками 1956—1958 гг. был вскрыт самостоятельный могильник, содержащий около 400 погребений³². Судя по удаленности могил, раскопанных в 1947—1949 гг., от остального некрополя, они также объединялись в отдельный могильник, хотя, если исходить из числа могил, его вряд ли можно считать раскопанным полностью. Если принять предложенное толкование отдельных могил как семейных усыпальниц, то логично предположить, что и в основе объединения могил в группы лежат родственные отношения погребенных, т. е. что каждый могильник принадлежит группе родственных семей. В таком случае каждый могильник представляет, видимо, некрополь патронимии, которую М. О. Косвен определяет как «группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство»³³. В настоящее время, не зная, сколько изолированных могильников входило в некрополь Неаполя, мы не можем определить и число патронимий, на которые распадалось население города, но его патронимическая структура представляется вполне вероятной³⁴. Затруднительно определить и размеры этих патронимий. Если принять предложенную выше условную цифру трех погребений на каждую брачную пару (мужчина, женщина и один умерший ребенок), то могильник в 400 погребений соответствует примерно 135 брачным парам, приходящимся на срок в 350 лет (конец II в. до н. э.— начало III в. н. э.), т. е. на 14 поколений. В среднем на поколение приходится около 10 малых семей. Однако учитывая тенденцию патронимии к разрастанию, мы должны предположить, что число таких семей не было стабильным за все время существования патронимии, оставившей могильник, вскрытый в 1956—1958 гг. Условно можно принять цифру в 5—7 семей для начального периода и в 13—15 для конечного. Эти цифры находят подтверждение и в хронологии могильника: материал конца II в. до н. э. содержится в 9 склепах, а в поздний период продолжают использоваться около 17 склепов. При условии одновременного проживания двух женатых поколений (максимум, возможный при средней

³⁰ Наличие в одном склепе нескольких взрослых погребений можно толковать не только как результат захоронения последовательных поколений одной семьи, но и как совместные погребения свободных членов общества и представителей зависимого населения. Перемешанность инвентаря не дает возможности выделить сопровождающие захоронения. Возможно, в некоторых случаях они и имели место. Но это обычай, если он и практиковался, не может объяснить наличия в могиле нескольких десятков костяков. Поэтому, допуская такую возможность, мы все же считаем преобладающими в некрополе семейные могилы.

³¹ Видимо, переходными обрядовыми формами можно считать редкие случаи групповых погребений в подбойных могилах. Такие могилы содержат 2—3 костяка.

³² Э. А. Симонович, Указ. раб., стр. 34.

³³ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 97.

³⁴ Предположение о патронимической структуре позднескифского общества находит подтверждение не только в материале некрополя Неаполя. Отметим, например, что на участке «Д» Неапольского городища (раскопки А. Н. Карасева и И. В. Яценко) выявлены остатки стен, деливших городскую территорию на участки, больше, чем отдельные жилые комплексы. К сожалению, плохая сохранность этих стен не позволяет пока определить площадь таких участков. Но сопоставление с данными некрополя позволяет предположить, что патронимическая структура лежала и в основе городской планировки Неаполя. Отражение той же структуры можно видеть и в обычном для Крыма расположении нескольких изолированных селищ вокруг одного городища-убежища (Т. Н. Высотская, Позднескифские городища и селища юго-западного Крыма, «Сов. археология», 1968, № 1, стр. 189, 191). Каждое селище, видимо, принадлежало отдельной патронимии.

продолжительности жизни, не превышающей 41 года)³⁵ рассмотренная нами патронимия в начале своей истории насчитывала примерно 15 семейных пар, а в конце — около 30 пар.

Обращаясь к материалам мавзолея, мы прежде всего должны отметить, что количество погребений в нем значительно больше, чем в грунтовых могилах. Из 74 погребений мавзолея 15 принадлежат детям, остальные — взрослые (22 мужских, 17 женских, 20 неопределенных³⁶). Длительность же использования мавзолея ограничена двумя с небольшим столетиями (конец II в. до н. э. — I в. н. э.), т. е. меньше той, которую мы определили для самых больших грунтовых склепов. Это доказывает качественное отличие социального организма, оставившего погребения мавзолея, от организма, которому принадлежали описанные выше могилы. Даже отнеся некоторые погребения к сопровождающим (видимо, их было не более 10), мы получаем около 50 взрослых погребений, распределяющихся на 8—9 поколений. Таким образом, число захоронений здесь вдвое превышает минимум, необходимый для признания их принадлежащими неразделенной семье, а это доказывает присутствие в мавзолее погребений членов боковых ветвей. Таким образом, мы можем считать неапольский мавзолей типичной усыпальницей большой семьи. Деревянные ящики, в которых совершены погребения, располагаются в мавзолее несколькими группами, что, видимо, соответствует отдельным ветвям семьи, каждая из которых имела свой участок в усыпальнице. Показательно распределение захоронений по ящикам. Среди них имеются как одиночные (20 случаев), так и коллективные (17 случаев). В этих последних поло-возрастной состав погребенных весьма различен: мужчина с ребенком (ящики XXVIII, XXIX, XXXIII), женщина с двумя детьми или с ребенком и подростком (IV, X), два подростка (XI, XIX), два взрослых, иногда в сопровождении ребенка³⁷ (XXXV, XII), двое мужчин и одна женщина (I), мужчина и три женщины (III), двое мужчин, две женщины и подросток (II). Эти данные показывают, что ящики мавзолея не являются усыпальницами отдельных брачных пар³⁸. Это подтверждает трактовку коллектива, оставившего погребения мавзолея, как большой семьи, в которой, как известно, отдельные семейные пары не играли решающей роли³⁹. Видимо, состав погребений в каждом ящике зависел от последовательности смертей в семейной ветви и от временного интервала между ними⁴⁰. Трактовка мавзолея как большесемейной усыпальницы полностью подтверждается и данными эгнотифин, согласно которым процесс разложения семейной общины и замены ее малой семьей среди знати шел медленнее, чем среди рядового населения⁴¹.

Видимо, отсюда проистекают различия, наблюдаемые между склепами и мавзолеем Неаполя⁴².

Сказанное позволяет интерпретировать погребения мавзолея следующим образом. Его основание связано с царским погребением. В то же время царское погребение здесь безусловно только одно. Какому бы

³⁵ В. П. Алексеев, Указ. доклад.

³⁶ Н. Н. Погребова, Указ. раб.

³⁷ К сожалению, в этих особо важных случаях пол одного или обоих взрослых костяков не поддается определению.

³⁸ Исключение, видимо, составляют ящики XII, XXXV, II. Можно предполагать также парные захоронения в соседних ящиках (IX и X, XXXVI и XXXVII).

³⁹ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 53.

⁴⁰ Не вполне ясно, в каких случаях предпочтение отдавалось одиночным захоронениям.

⁴¹ Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 40.

⁴² Нельзя, конечно, полностью исключить возможность того, что мавзолеем был не семейной усыпальницей, а местом погребения царя и неродственной ему челяди. Но такая трактовка допустима лишь для захоронений, близких к царскому по времени, и делает необъяснимым двухсотлетнее использование мавзолея. Становясь на этот путь, мы должны признать различную природу содержащихся в мавзолее захоронений, что представляется маловероятным.

царю мы его ни приписали — Палаку или, тем более, Скилтуру⁴³, у нас нет никаких оснований предполагать, что на них оборвалась скифская династия. Поэтому наиболее логично считать, что наследование престола в позднескифском царстве сопровождалось сегментацией царской семьи, выделением той ее ветви, главой которой был новый царь. В мавзолее похоронен царь, его жена, возможно, главная⁴⁴, и все последующие поколения царской семьи, за исключением той ее ветви, глава которой наследовал престол. Для этой последней естественно предположить сооружение новой усыпальницы, в которой также содержалось погребение царя и его потомков. Видимо, такая система деления царской семьи существовала на протяжении всей истории Неаполя. В связи с этим можно предвидеть находки других усыпальниц, аналогичных мавзолею⁴⁵.

Наиболее труден для истолкования комплекс погребений в кургане 1949 г., входившем в некрополь Неаполя⁴⁶. По числу захоронений (около 30) и длительности использования (около 200 лет) он схож с грунтовыми склепами II группы. Нет качественного различия между ними и в характере инвентаря. Вместе с тем здесь в погребальном обряде ощутимее сказывается традиция более ранних крымских курганных погребений. Эти последние содержат обычно до 100 костяков, и с полным основанием рассматриваются А. М. Хазановым как усыпальницы больших семей⁴⁷. Видимо, неапольский курган оставлен какой-то группой городского населения, в которой большесемейные традиции в погребальном обряде сохранились дольше, чем у основной массы рядовых жителей города. Так ли была причина этого явления в факторах этнических или социальных, в настоящее время сказать невозможно. Следует лишь подчеркнуть, что это была погребальная традиция. Трактовать сам коллектив, оставший курган, как большую семью, судя по числу захоронений, нельзя.

Таковы выводы о структуре позднескифской семьи, которые позволяют сделать материал некрополя Неаполя. Весьма желательно сравнить в дальнейшем этот материал с материалом скифских памятников других территорий и периодов, что, возможно, позволит выяснить историю семьи в скифском обществе в полном ее объеме⁴⁸.

THE LATE SCYTHIAN FAMILY ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL DATA

This attempt to elucidate the Late Scythian family system is based upon an analysis of archaeological material from the Necropolis of Neapolis — the Late Scythian capital in Crimea. Comparing the numerical strength and the sex-and-age composition of people buried in various types of graves, drawing upon ethnographic parallels and implementing demographic methods the author comes to the conclusion that among the common people of Neapolis a transition was taking place from the joint to the small family while the aristocracy still conserved the extended family. The topography of the Necropolis suggests the patronymic structure of the late Scythian society.

⁴³ Как известно, на этот счет в литературе нет единого мнения (ср. П. Н. Шульц, Указ. раб., стр. 20; Н. Н. Погребова, Указ. раб., стр. 179).

⁴⁴ Интервал в несколько десятилетий между погребением царя и женским захоронением в саркофаге не представляется мне препятствием для такого толкования последнего. Напротив, взгляд на эти погребения, как на не связанные друг с другом, выдвигает ряд вопросов, необоснованно затрудняющих интерпретацию мавзолея.

⁴⁵ Отсутствие археологических подтверждений этой гипотезы не опровергает ее, а доказывает лишь недостаточную изученность Неаполя. Пока же на более чем пяти-сотлетнюю историю города приходится лишь одно раскопанное царское погребение.

⁴⁶ В. П. Бабенчиков, Указ. раб., стр. 132 и сл.

⁴⁷ А. М. Хазанов, Указ. раб., стр. 35.

⁴⁸ При раскопках могильников в Северо-Западном Причерноморье (А. И. Мелюков а, Раскопки скифских могильников IV—III вв. до н. э., «Археологические открытия, 1968», М., 1969) открыты в основном одиночные захоронения, но располагаются они группами от 2—3 до 20, что составляет прямую аналогию числу захоронений в неапольских склепах. Думается, что такое совпадение не случайно. Однако окончательным выводам должен предшествовать всесторонний анализ материала.